

Виталий ОРЛОВ (Нью-Йорк) Номер 3(314) 5 февраля 2003 г.

Дмитрий Хворостовский покоряет Нью-Йорк

Дмитрий Хворостовский на вопрос, есть ли в мире концертные залы или театры, где ему уютно, отвечает: «Метрополитен Опера в Нью-Йорке. Акустика великолепная, поется прекрасно... Все чудесно друг к другу относятся, легко работается». Правда, «Мет жилем не занимается, и даже авиабилет иногда оплачивается там только в экономклассе и в одном направлении — гордитесь, мол, что поете у нас».

Дмитрий Хворостовский

Слушатели хорошо помнят концертное исполнение Дмитрием Хворостовским «Евгения Онегина» в дуэте с прославленной солисткой Метрополитен Опера Рене Флеминг, главные партии в спектаклях «Война и мир», «Пиковая дама» и другие.

Любит Хворостовский и Карнеги-холл, где несколько лет назад с огромным успехом исполнял свиридовский цикл песен на стихи Блока «Петербург и другие». Похоже, что одному из самых известных баритонов мира пришлось по душе и главная сцена нью-йоркской филармонии — Эвери Фишер-холл: в рамках фестиваля Mostly Mozart в августе 2002 года, выступая с Московским камерным оркестром, он исполнил там несколько популярных неаполитанских песен. «Нет ли у вас лишнего билетика?» можно было услышать уже на дальних подступах к Линкольн-центру — успех певца был чрезвычайным. К слову сказать, одна уважаемая местная русскоязычная газета дважды освещала этот концерт и дважды допустила курьезные опечатки: фамилию певца в подзаголовке статьи обозначила как «Хворостовскийи», а оперу Чайковского назвала «Пиковая дома». Так вот, «Пиковая...» на этот раз таки осталась дома, а в концерте в Эвери Фишер-

холле Хворостовский в сопровождении оркестра филармонии под управлением Юрия Темирканова исполнил «Песни и пляски смерти» Мусоргского.

Мусоргский написал этот цикл для голоса и фортепиано на стихи Арсения Голенищева-Кутузова, близкого друга композитора, с которым какое-то время они даже снимали одну квартиру. В начале 1961 года Д.Д.Шостакович, для которого творчество Мусоргского было особенно близким и служило постоянным источником вдохновения, услышал цикл в исполнении Галины Вишневской и решил оркестровать его, посвятив Г.Вишневской. Премьера состоялась ровно 40 лет назад, в Горьком, оркестром Горьковской филармонии дирижировал Мстислав Ростропович.

Дмитрий Хворостовский уловил и сумел донести до слушателей естественную, вырастающую из характерных интонаций русской речи мелодику песен. С первых же нот певец погружает слушателей в атмосферу происходящего, заставляя почувствовать страдания терзающейся матери. В «Серенаде» широко звучит лирическая мелодия, передающая торжество любви молодой женщины, даже перед лицом смерти. В «Колыбельной» Хворостовский наполняет тревогой знакомые нам с детства слова «баюшки, баю, баю», вложенные не в уста страдающей матери, а — ликующей Смерти. Русской народной музыкой пронизан «Трепак», в котором звучат цитаты из заупокойной молитвы. В «Полководце» лирика естественно сменяется эпическим изображением битвы, голос Хворостовского постепенно наполняется мощью и скорбью, когда звучат финальные слова, произносимые Смертью.

После концерта я беседую с Дмитрием Александровичем. Первый вопрос: чем интересен ему цикл Мусоргского-Шостаковича?

— *[Это] эмоциональный, технически очень сложный и своеобразный вокальный цикл, — говорит Хворостовский. — Казалось бы, всего только четыре песни, но они требуют от певца полной отдачи творческих сил. Здесь, в Эвери Фишер-холле я их уже пел. Это было в 1995 году, оркестром тогда дирижировал Валерий Гергиев. А вообще я пел «Песни и пляски...» много раз и много лет по всему миру, они постоянно в моем репертуаре... [Цикл] привлекает и одновременно отталкивает. Это одна из жемчужин русской музыкальной литературы, и исполнять «Песни...» — большая честь для певца. Их исполнение имеет огромные традиции, в том числе исполнение великим Шаляпиным. За них брались не только мужские, но и женские голоса. Вот поэтому петь их — большая ответственность. Цикл этот необычен и сложен не только в вокальном*

смысле, необычна и сама тема: Смерть и ее жертвы, предстающие в разных обличьях. Я думаю, она актуальна и в наше время. Очень важно было найти музыкальный баланс между образами Смерти и ее жертв, проявив при этом собственное отношение. Здесь приходится идти буквально как по канату: шаг в сторону, и получится либо заштампованный «кич», либо недобор, когда вообще ничего не будет понятно. Это еще и актерски очень напряженная работа, потому что, с одной стороны, — театральный диалог, а с другой — все-таки камерный стиль. Нужно достаточно много и глубоко что-то иметь в себе, чтобы представить это слушателю, не выпячивая себя.

— Не так давно в этом же зале вы пели нечто совершенно противоположное — неаполитанские песни Куртиса и других итальянцев. Успех концерта был огромным, но некоторые критики увидели в этом шаг от «высокого» классического искусства в сторону «популизма». Вы любите неаполитанские песни?

— Если бы не любил, то и не пел. К счастью, я редко читаю рецензии. Неаполитанские песни написаны достаточно давно, так что их можно считать классикой. Корни их исполнения идут еще от великого Карузо, и после него неаполитанские песни пели великие голоса. Так что их исполнение никаким грехом для себя не считаю, точно так же, как и исполнение русских народных песен — и те, и другие пою на самых больших сценах мира. Я достаточно долго занимался изучением неаполитанских песен. Это часть фольклора, часть большой итальянской культуры, хотя неаполитанский диалект сильно отличается от литературного итальянского языка. Он стоит того, чтобы изучать его отдельно, чему я посвятил достаточно много времени. Я изучал и творчество неаполитанских певцов, причем не только оперных, но и народных. Это была большая и интересная работа.

— Многие поклонники вашего творчества слушали «Евгения Онегина» с вашим участием в дуэте с Рене Флеминг в концертном исполнении (концерт транслировался по телевидению). Нет ли в ваших планах совместного спектакля по «Онегину»?

— Сделал бы это с большим-большим удовольствием, я очень люблю Рене. Но «Онегина» в совместных планах нет. Мы поем с Рене в «Травиате» на открытии следующего сезона в Метрополитен Опера.

— В прошлом году мы вас видели на телеканале PBS в канадском фильме-опере по Моцарту «Дон-Жуан без маски». Собираетесь ли вы петь «Дон-Жуана» на сцене?

— Не собираюсь, а уже собрался! «Дон-Жуан» есть в репертуаре Метрополитен Опера в этом сезоне, и я в нем пою с конца декабря 2002 года.

— Вопрос, не связанный с творчеством, но всегда интересующий публику: где вы сейчас живете и бываете ли в родном Красноярске?

— Живу по-прежнему в Лондоне, а в Красноярске бываю, хотя и редко. Последний раз — года два назад. А вообще в Россию приезжаю довольно часто. Я был в Москве как раз в тот день, когда случился этот жуткий инцидент с захватом террористами мюзикла «Норд-Ост». Должен был петь в концерте на церемонии награждения премией «Тэффи». Но, как вы знаете, в тот день все мероприятия отменили...